

Андрей Кончаловский: «Чужая экономика ломается на нашей культуре»

Тоска по «сильной руке» присуща многим из нас. Но вот когда она мучает представителя одной из самых свободлюбивых профессий - возникает много вопросов...

- КОГДА-ТО Польшу, Болгарию, Чехословакию называли «братя-славяне». Но после 90-х от этих братских отношений остались одни воспоминания...

- Да, русский с татаринцом договорится гораздо быстрее, чем русский с поляком. Потому что из славянских племен одни приняли католичество, а другие - православие. Железный занавес между Востоком и Западом проходит по линии католицизма - православия. Это две разные концепции жизни, сформировавшиеся в течение тысяч лет. В Европе уже с XI века не было рабства, там возникли города - поселения свободных людей, ремесленников, которые не зависят от земли, от погоды и у них есть деньги. Появлялись гильдии, профсоюзы, независимость, гражданское общество.

В России же свободных городов никогда не было. Два пытались стать - Псков и Новгород, но им отрезали... яйца. Мы не прошли того исторического пути, который прошла Европа. Поэтому не нужно желаемое выдавать за действительное. Бессмысленно выбирать между желательным и нежелательным. Надо выбирать между возможным и невозможным.

«Мы никогда не будем жить, как в Европе. Если хочешь так жить - поезжай туда!»

- ВЫБОР между «жить, как в России, и жить, как в Европе» - это выбор между возможным и невозможным?

- Естественно. Здесь невозможно жить, как в Европе. Если хочешь жить, как в Европе, поезжай туда и живи.

- То есть выше головы все равно не прыгнешь?

- А зачем? Просто необходим достаточно высокий культурный уровень, чтобы понимать, что любой экономический закон ломается к чертовой матери, как только на его пути возникают культура и традиции. Из-за столкновения традиционной культуры и чуждых законов, которые ей пытаются навязать, скоро начнутся очень большие проблемы в Ираке, Афганистане, на Украине. Хотя Украина имеет шансы лучшие, нежели Россия. Потому что там не было крепостного права. Украинцы жили на окраине империи. Там у людей была другая ментальность - туда бежали крепостные, чтобы стать свободными.

- Просто историческая обреченность какая-то получается!

- Нет никакой обреченности! Нужно ставить реальные задачи. Представь, ты говоришь: «Я хочу летать!» Прыгаешь, прыгаешь, прыгаешь. Но все равно не летишь. После чего разочарованно заявляешь: «Историческая обреченность! Я летать не могу!» Но на самом деле ты поумнел от этого. Ты можешь и еще сто лет прыгать, а можешь поставить более реальные задачи и начать решать их.

- Но можно же, наверное, делать маленькие шажки в сторону улучшения жизни!

- Можно. Но хорошо жить мож-

но и в обществе без демократии. Нет никакой связи между количеством нищих в стране и уровнем существующих там демократических свобод. Наша страна - богатейшая. Люди - талантливые, но неученые. Деньги не уважают, терпеть не могут богатых, богатыми сами быть не хотят, работают плохо, подворовывают, живут на копейки. Им ничего не надо! Значит, надо провести культурологический анализ, чтобы понять, как этого человека приучить к работе.

- То есть народ можно перевоспитать?

- Можно! Но для этого нужна воля целого государства, чтобы оно эту волю направило на воспитание народа. А сейчас как? Телевидение у нас контролируется только с точки зрения политической рекламы. А в отношении всего остального государство придерживается позиции «Делайте, что хотите». И во что в итоге превратилось телевидение? Воспитывает оно что-нибудь в людях? Только одно - желание дать «на лапу» нужному человеку, чтобы самому попасть на экран. Есть какая-нибудь совесть у тех, кто телевидением управляет? Никакой! Есть ли у них какие-то задачи: «Что я могу сделать для того, чтобы мой народ научился уважать деньги?» Нет. Их интересует прежде всего рейтинг.

- И что? Вводить цензуру?

- А как наказывать? Вызовешь на ковер главу телеканала, а он тебе скажет: «Да пожалуйста! Дайте денег, и я вам любую программу сделаю!» А где деньги взять на это? Получается много вопросов, мало ответов.

«Главное, чтобы была возможность зарабатывать деньги. И чтобы за это не сажали!»

- ПОЧЕМУ в России с людьми, которые попадают во власть, происходят такие странные вещи? Вроде бы пока они к этой власти шли, со-

бирались активно работать на благо народа. Но как только они дорываются «до кормила», сразу начинают относиться к народу как к быдлу.

- Это абсолютно демагогические заявления! Нынешнее правительство сделало очень много: оно избавляет страну от национальных долгов, от дефицита бюджета. Нефть перестали качать в частные карманы. Олигархи выстроились, нагнувшись, и платят налоги, потому что знают:

если ты не будешь платить налоги, тебе нададут по полной программе. Им дали понять, что в политику лучше не лезть. Да, это правительство делает ошибки.

Но все равно в стране появилась хоть

какая-то стабильность. И укрепление вертикали власти, которое сейчас идет, к сожалению, необходимо.

И цензура, как ни угрожающе звучит это слово, необходима. В Америке, к примеру, она очень серьезная.

- Так что делать тогда? И свобода - реклама - плохо, но и цензура без свободы - тоже плохо.

- А что вы хотите? Счастья? Ничего, через 10 лет здесь будет рай. По сравнению с тем, что будет происходить в Европе. Там будет климатический коллапс. А у нас и так уже такая плохая погода, что хуже быть не может. Так что не жалуйтесь. Главное, чтобы у людей была возможность работать и зарабатывать деньги. И чтобы за это не сажали.

А что касается идеологии, то свобода - это не всегда свобода слова. В Средние века, например, свободы слова не было. Наоборот, всем правила инквизиция. А люди тем не менее великие произведения создавали. Свобода слова не создает шедевров. Свобода вообще ничего не создает, это иллюзия. На мой взгляд, нужно потихоньку отказываться от такого обилия информации. Причем совсем необязательно это делать в государственном масштабе. Чем отличается богатый человек от бедного? Не количеством денег на счете, а тем, что он может позволить себе выключить телевизор и радио и слушать Баха и читать Джойса. Я сейчас говорю о качестве жизни. А оно определяется тем, с кем ты общаешься и о чем думаешь. Есть ли, например, у тебя возможность быть в тишине и никуда не торопиться. В результате получается, что самый богатый человек - это монах в монастыре.

- А как понять, что есть что?

- Это от твоего ума зависит. От понимания, в чем заключается твое личное счастье. Не только же в деньгах. Деньги - это лишь результат разумного построения своей жизни, измерение твоего места в ней.

- Не превратимся ли мы, в конце концов, в общество законченных

прагматиков, в котором человека абсолютно перестанет волновать судьба соседа?

- Так она уже и так не волнует. Для того чтобы возникло общество, в котором возможна бескорыстная помощь бедным людям, нужно, чтобы каждый осознал значимость для этого самого общества своей личности. У крестьянина - а у нас по-прежнему крестьянское сознание - такого быть не может. Как и ребенок, он не может близко к сердцу принимать проблемы соседского мальчика. Так что мы пока живем в обществе детей.

- Если бы вам предложили участвовать в программе воспитания этого общества детей, вы бы согласились? И возможно ли перевоспитать целую нацию?

- Конечно. Вот Ататюрк в Турции, подавив колоссальное сопротивление фундаменталистов, создал же буржуазное государство. Насилием, кровью, но он это сделал. Что бы делал я? Разработал бы для каждой школы методику прививания уважения к деньгам и индивидуальной ответственности. А начал бы с того, что объявил бы в школах конкурс на самый чистый туалет. И чтобы за чистотой в этих общественных туалетах следили сами школьники, а не уборщицы. «Не пидай мимо туалета!» - первый постулат индивидуальной ответственности.

- А в итоге вернемся к железной руке?

- Хорошо бы. Но почему обязательно ее надо бояться? Она может быть и очень благотворна. Есть же вещи, которые гораздо важнее, чем пресловутая свобода. Надо, чтобы на улице была безопасность, чтобы не били тебя в подворотне по голове, чтобы не гадили в подъездах. Думаете, если человеку предложить ввести цензуру и определенные ограничения, а взамен дать ему 3 тысячи долларов зарплаты, социальные гарантии и чистые туалеты, он не согласится? Я сомневаюсь.

«Думать надо в читальном зале или в Академии наук. В театре надо чувствовать».

- ВАШ предыдущий спектакль - чеховскую «Чайку» - критика приняла очень неоднозначно...

- Почему неоднозначно? Плохо. Хотя были и нормальные статьи.

- И, несмотря на то, что вы снова идете в театр - ставите пьесу Стриндберга «Фрекен Жюли».

- Не смотря на что? На критику? Да я ее не читаю! Сейчас я ставлю Стриндберга, потом будет Шекспир, Еврипид. И что? Я не зрителя пытаюсь пробить, я пытаюсь понять человека. Большая драматургия никогда не дает ответов. Напротив, все великие задают один и тот же вопрос: почему человек так устроен? Почему человек - животное? Почему он одновременно и ангел, и предатель? Почему мы любим не того, кто хороший, а того, кто плохой? Почему можно быть правильным человеком и быть при этом врагом народа? А можно быть очень неправильным и стать героем нации.

- И почему?

- А мы не знаем! И не надо давать ответов. Никто же не объясняет: «Я люблю ее или его, потому что...» Он просто любит, и все.

- Современный зритель, забытый своими проблемами, готов идти в театр и задумываться над такими сложными вопросами?

- Зрителю не надо ни о чем задумываться. Думать надо в читальном зале или в Академии наук. А в театре надо чувствовать. Как только появляются мысли, это уже не театр - это анатомичка. В театре вы приходите для того, чтобы быть детьми.

Юлия ШИГАРЕВА,
Игорь ИЗГАРШЕВ

Фото Геннадия УСОЕВА